

*«Да здравствует вечное солнце истины и свободы,
которым суждено сменить неправду и насилие
отжившего строя, и пусть не удастся в будущем
прежнему произволу, хотя и в новых формах,
подменить истинную свободу обманчивыми
призраками без содержания» (В.Г. Короленко)²*

«Свобода, равенство и братство», - этот лозунг был начертан на знаменах любой революции. Не был исключением и большевистский переворот 1917 года. Несомненно, в сознании многих людей революция сразу после ее свершения виделась если не прямо выросшей из вековых народных устремлений к социальному равенству и социальному освобождению, то, по крайней мере, ассоциировалась с ними. Более того, неразрывной в массовом сознании кажется связь между желанной социальной справедливостью и свободой (или волей) в их традиционном народном понимании. Иногда эти категории весьма близки или даже идентичны в смысловом контексте.

Большевики же рассматриваются в письмах первого послереволюционного периода как реализаторы народных устремлений, люди, прокладывающие путь к свободе. Но с другой стороны, именно большевики разделили неразделимое: они отделили социальную справедливость от свободы, в том числе от свободы личности, от гражданских и политических прав человека и даже противопоставили их друг другу, как начала враждебные.

Свобода была наиболее часто упоминаемым мотивом в письмах городских и сельских жителей первых послереволюционных лет во властные структуры. Свобода выступает одним из приоритетных и фундаментальных понятий в массовом сознании. Известно, что о свободе часто говорят либо когда ее очень ценят и боятся потерять (как это укоренено, например, в американской культуре), либо в условиях гнета несвободы. В случае с революционной Россией 1917 г. - имел место, несомненно, второй вариант. В 1917 г., накануне и во время революции, русский человек остро ощущал несвободу, как, впрочем, и потом, под властью большевиков, но уже в других политических и социальных условиях. Следовательно, Россия пришла в революцию с массово ощущаемым чувством несвободы.

Это было связано, прежде всего, с вопиющей социальной несправедливостью (отсюда связь свобода - социальная справедливость). В русском менталитете они идут в связке, понятия самоценности свободы без социальной компоненты в сознании нет, справедливость же понимается, как правило, эгалитарно. Это рождало парадоксальное восприятие свободы в массовом сознании: свобода - не есть расцвет индивидуальности и ее наиболее полное проявление, а скорее уравнивание всех в общественном статусе и особенно в материально-имущественном отношении. Кроме того, в письмах того времени отражается ощущение неправильности устройства дореволюционного общества, исчерпанности его ресурсов, неспособности его решить насущные проблемы социальной жизни, на чем и сыграли большевики. В массовом менталитете «свободный строй» представлял собой перевернутую социальную пирамиду, в которой менялись местами господа и подчиненные: «этот лозунг простой и кажется справедливым: повеличались одни. Теперь будет. Пусть повеличатся другие».³

Большевики в этих условиях выгодно представили себя как друзей свободы, а тех, кто выступал против большевиков - как ее врагов, ибо коммунисты удовлетворяли оба фундаментальных требования к свободе - провозглашали эгалитарную справедливость и

¹ *«Свобода должна быть только для угнетаемых». Письма во власть. 1917-1920 гг. / Публ. подг. А.Я. Лившин и И.Б. Орлов // Исторический архив. 1998. № 5-6. С. 129-141.*

² Цит. по кн.: Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. М., 1990. С. 53.

³ Там же. С. 95.

стремились сломать старое (несвободное) общество. Они пообещали выход из мировой войны – тоже то, что не могло обеспечить старое (и при этом либерально-конституционное) общество. В условиях революционной ломки прорыв из старого общества рассматривался массовым сознанием как прорыв к свободе. «Конечно, большевики настоящая «рабоче-крестьянская власть». Она «осуществляет заветнейшие чаяния народа». А уж известно, каковы «чаяния» у этого «народа», призываемого теперь управлять миром, ходом всей культуры, права, чести, совести, религии, искусства»,⁴ - эта запись в дневнике И.А. Бунина от 17 апреля 1919 г. достаточно точно передает состояние и положение образованного слоя российского общества в условиях «свободы», используемой большевистским руководством как «издевательская вывеска», которая еще долго будет висеть – «пока совсем крепко не усядутся они на шею народа»,⁵ и понимаемой народом как анархия. В первые дни после революции В.Г. Короленко с горечью пишет в дневнике: «...что же ему думать о такой «свободе»? Это - анархия...» (запись от 4 ноября 1917 г.); «Нет никакого порядка. Теперь слово «свобода» то и дело звучит именно в этом смысле» (запись от 28 декабря 1917 г.).⁶

Новая власть способствовала «раскрепощению» личности (от церкви, от старой морали, старой администрации, в какой-то мере от общинных традиций и прочего). Отсюда ощущение вседозволенности, вседоступности. А большевики активной пропагандой всячески поднимали ощущение хозяина новой жизни («кто был ничем, тот стал всем»). Примечателен предлагаемый способ «введения» свободы и справедливости в России - палка, насилие. Мысль о допустимости насилия по отношению к меньшинству - а в данном случае речь идет об имущем меньшинстве - не только не казалась противоречащей смыслу справедливости, но и вполне укладывалась в рамки представлений о методах достижения большинством оправданных в народном сознании (культурно легитимных) целей.

Известно, что подобные представления вполне согласовываются с большевистской концепцией диктатуры пролетариата. Насилие и его оправданность становятся важнейшими атрибутами менталитета широких народных масс. При этом происходит обесценивание либерального понимания свободы (как, прежде всего, свободы личности), отрицание ценности демократии, дискредитация в народном менталитете либеральных и конституционных путей достижения свободы (компромисс, ненасилие, постепенность). Понятие свободы приобретает практически-утилитарное значение: имеет ценность свобода выйти из войны и пахать свою землю. А насилие, нетерпимость и нетерпеливость, готовность уничтожить всех, кто стоит на пути к этой псевдо-свободе, - все больше доминируют в массовом сознании измученного тремя годами войны населения. Появилась возможность самому стать частью новой власти или через власть возвыситься над людьми, причем последнее могло достигаться не только для приобретения общественного веса, но и для личного обогащения, сведения счетов и мести. Кроме того, срабатывал страх перед возможностью возвращения старых порядков.

Но реалии первых лет революции гнетут новой несвободой. Военный коммунизм, чрезвычайка, конфискации, мобилизации и тому подобный беспредел заставляют часть общества вспомнить о своем обывательском статусе, о необходимости сохранить себя и свои семьи, о желании просто жить и просто работать. Большевики осуществляют массовое нарушение именно личных, гражданских прав, ущемляют свободу личности. «Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда население целых домов выселяются и имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и на разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без

⁴ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991. С. 48.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Цит. по кн.: Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. М., 1990. С. 35,46.

опасения попасть под обвинение в контрреволюции?», - упрекает большевиков Патриарх Тихон в обращении к Совету Народных Комиссаров 13(26) октября 1918 года.⁷

Огромные массы людей (а не профессиональные революционеры и уголовники, как это было до революции) впервые познакомились с тюрьмой, лагерем, государственным беззаконием. Это заставило призадуматься: появляется некоторое ощущение ценности личной свободы (а не свободы класса), ценности личных прав, порочности унижения достоинства личности лишением ее свободы, желание через письма индивидуализироваться, выделить свою личность из безликой массы. Биологически заложенное в человеке стремление к свободе (здесь и роль христианства, в основе которого - свобода духа как фундамент свободы личности) начинает проявляться в новом виде, частично очищается от эгалитарно-материальной составляющей. Справедливость ощущается уже в том, когда безвинного человека не бросают за решетку. Палка, которой хотели ввести свободу, другим концом ударяет по традиционным представлениям о свободе и справедливости.

Очевидно, большую связь со свободой в российском менталитете имеет легитимация власти, ее оправданность и законность в общественном сознании, нежели непосредственно закон. Вместе с тем, свою роль играет и закон. Однако закон не как ограничитель вседозволенности человека, а скорее как ограничитель произвола власти (особенно местной). В массовом сознании законность - это свобода, формируемая необходимостью власти следовать букве закона, и, следовательно, иметь меньше возможности вмешиваться в жизнь людей. При этом очевидно стремление отгородиться от государства и, по возможности, быть от него подальше. Загнать власть в «резервацию» законов и инструкций, сделать так, чтобы она им неукоснительно следовала, а самим жить в другом пространстве, пространстве традиционных представлений о свободе (воле) - таков идеал (или один из идеалов) в массовом сознании.

Данная подборка «писем во власть» первых лет революции из Государственного архива Российской Федерации раскрывает некоторые аспекты проблемы свободы в революции, преломлении последней в весьма мозаичном массовом сознании переломной эпохи. Вполне понятно, что столь сложный и неоднозначный феномен массового сознания, как понятие о свободе (воле), не может быть полно и всесторонне отражен в рамках данной публикации. Предлагаемые читателю документы освещают лишь часть вопросов, связанных с этой фундаментальной темой и тесно переплетающихся с представлениями о справедливости, равенстве, целесообразности властных решений и т.д.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 9550. Оп. 15. Д. 11. Л. 2.

№ 1. Письмо унтер-офицера Ф.Костина В.И.Ленину¹

Глубокоуважаемый Владимир Ильич! Вы, как глава Российского правительства, в столь тревожное время взяли на себя всю тяжесть неслыханных бедствий. Живя в провинции, я вижу, как бедствия народные день ото дня все увеличиваются исключительно лишь благодаря усиленной пропаганде, распространяемой среди темного населения лицами, идея которых идет вразрез с идеей Вашей и Ваших сотрудников. Хотя я считаю себя в политическом отношении вовсе незрелым, но, между прочим, вижу, что враги свободы и трудящегося народа действительно не спят и, не покладая рук и не жалея, когда надо, материальных средств, совершая свое злое дело, открыто сами же говорят, что страна наша действительно гибнет и подошла уже к такому тупику, из которого вряд ли кто способен ее вывести.

Прошу поверить, что темных крестьян и рабочих можно куда угодно повернуть, чем враги свободы и пользуются и сеют всевозможные слухи, волнующие население, каковые иногда доводящие до настоящей паники. Поверьте, что необходимо принять неотложные меры по борьбе с сеятелями смуты - врагами свободы и пострадавшего от войны и разрухи народа. Промедление в принятии мер к охране революции окончательно опрокинет миллионную Россию в бездну и пропадет завоеванная свобода.

Я отлично понимаю, что враги свободы и бедного народа всевозможными способами стараются втереться в доверие к темным, бедным людям, не стесняясь называть себя их братьями и спасителями от бедствий, и, в это же время, забрызгивая грязью светлое, как солнечный луч, лицо действительно верно поднявших знамя свободы истинных сынов Родины и революции. Я от души признаюсь и верю в то, что действительно врагам родины и революции жаль то, что такая прелестная только для них почва ускользнула из-под их ног, на которой они больше чем триста лет стояли и наслаждались, высасывая последние соки и кровь из бедных людей и тем самым наполняли свои сатанинские утробы. Поверьте, Владимир Ильич, что излагая это письмо, я до такой степени расстроен, что по борьбе с врагами родины и революции я рекомендовал бы принимать меры вплоть до применения всевозможных репрессий,² а главное еще то, что необходимо рассадить рассадник по всему обширному государству среди населения только из людей, действительно любящих родину и революцию, которые могли бы сказать врагам свободы и сеятелям смуты: «Руки прочь!»

Я извиняюсь перед Вами, Владимир Ильич, в том, что я беспокою Вас своим малограмотным и несложным письмом, но я надеюсь, что Вы мне в этом простите, так как образовательного ценза я вовсе не имею. Я землевладелец, а теперь пока строевой солдат, ст[арший] ун[тер]-оф[ицер] срока службы 1906 года, а потому писать лучше не умею. Но нервы мои не выдержали, а потому я и вынужден писать это письмо. Мне очень хочется как только могу послужить Вам и народу, а главное хочется поучиться как жить на свете под руководством Вашим или под руководством Ваших доблестных сотрудников и только не в том месте, где я теперь нахожусь, а где-нибудь в другом, ибо потому, что я имею, кажется, уже достаточное количество врагов, вероятно стремящихся стереть меня с лица земли. Но мне пока почему-то хочется еще жить и увидеть, что будет дальше. Благоволите дать указания, жду ответ. Хотя и есть чего, но написать всего сразу не опишешь. Прошу принять уверения в моем почтении, преданности и готовый к услугам ст[арший] ун[тер]-оф[ицер], председатель эскадронного комитета 8 маршевого эскадрона 15 Украинского гусарского полка Филипп Костин.

20 ноября 1917 года.

г[ород] Кирсанов Тамбовской губ[ернии].

ГА РФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 47. Л. 165-167. Подлинник, рукопись.

Примечания:

1. Адресат - Ленин В.И. (1870-1924) - основатель большевистской партии и Советского государства. С 1888 г. - член одного из марксистских кружков в Казани, один из основателей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», лидер

большевиков со II съезда РСДРП (1903 г.). После октябрьского переворота - председатель СНК РСФСР, с 30 ноября 1918 г. возглавлял Совет рабочей и крестьянской обороны (Совет труда и обороны с конца 1919 г.).

2. Репрессии большевиков в отношении политических противников не замедлили себя ждать. Уже 28 ноября 1917 г. Постановлением Совнаркома кадеты объявлялись партией «врагов народа», а члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и суду. Хотя, несмотря на декрет, объявивший партию вне закона, до конца мая 1918 г. она располагала определенными возможностями для деятельности.

№ 2. Письмо неизвестного автора в Совнарком¹

Совету Народных Комиссаров.² Примите все меры к тому, чтобы везде, повсюду во всех углах нашей необъятной родины народ, трудящиеся были бы осведомлены о всех Ваших действиях на благо всему трудящемуся люду.

Буржуазных и лже-социалистических газет повсюду, куда не приходишь, сколько угодно, а Ваших почти нет. Ваши газеты должны быть всюду в каждой волости, в каждом городе. Не жалейте на это средств.

Кроме того, Вы должны обратить серьезное внимание на следующее. Народ наш так запутался в паутине, выпущенной вождями различных партий, что он совершенно не понимает за кем идти и кого слушать. Каждая партия убеждает народ по-своему. Все тянут и разделяют темный народ во все стороны.

Истинные социалисты должны иметь один путь. Больше двух партий у нас не должно быть. Должны быть только угнетаемые и угнетатели. Кроме того, свобода должна быть только для угнетаемых. Для угнетателей нужна палка. Только палкою введем справедливость на нашей земле. Свобода для буржуазии - погибель пролетариата. Эту истину должны понять все труженики, весь русский трудовой люд. Свободные 20 миллионов русских буржуа сделают остальных³ 160 миллионов³ такими рабами, какими они никогда и не были. Свобода должна существовать только для 160 миллионов, остальных³ 20 миллион[ов] должны подчиниться большинству.

Не медлите, примите все меры к тому, чтобы в кажд[ом] уголку нашей родины все труженики, как интеллиг[енты], так не интеллиг[енты] знали, поняли, что Вы искренно желаете благо народу, и только Вы своими действиями принесете действительную пользу народу. Свобода только для угнетаемых.

[подпись неразборчива]

ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 67. Л. 200-201об. Подлинник, рукопись.

Примечания:

1. Письмо зарегистрировано 8 декабря 1917 г.

2. Совнарком - Совет народных комиссаров (рабоче-крестьянское правительство), исполнительно-распорядительный орган управления, создан 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов как временное рабоче-крестьянское правительство. Слово «временное» было исключено из названия по решению III Всероссийского съезда Советов после роспуска Учредительного собрания. Законодательно правительство было оформлено в Конституции РСФСР 1918 г. Председателем СНК был избран В.И. Ленин. В первый состав правительства вошли: А.И. Рыков (НКВД), В.П. Милютин (НКЗем), А.Г. Шляпников (НКТруд), В.А. Антонов-Овсеенко, Н.К. Крыленко, П.Е. Дыбенко (по военным и морским делам), А.В. Луначарский (НКПрос), Л.Д. Троцкий (НКИД), И.В. Сталин (НКНац) и др. По соглашению о правительственном блоке в ноябре 1917 - марте 1918 гг. в состав СНК входили левые эсеры, в ноябре - декабре 1917 г. представители левых эсеров возглавляли наркоматы юстиции (И.З. Штейнберг), земледелия (А.А. Колегаев), почт и телеграфов (П.П. Прошьян). Состав правительства с самого начала был подвержен изменениям как в результате новых назначений, так и в итоге политических кризисов раннего послеоктябрьского периода (ультиматум Викжеля о создании однородного

социалистического правительства, конфликт большевиков с левыми эсерами по вопросу о Брестском мире).

30 октября 1917 г. СНК специальным декретом закрепил за собой право на законодательную деятельность, оговорив полномочия ВЦИК по приостановлению или отмене постановлений правительства. Т.о. СНК соединял в своем лице законодательные и исполнительно-распорядительные функции. В деятельности СНК соблюдался принцип коллегиальности руководства. Ядром правительства была коллегия наркомов; для текущей работы в аппарате СНК были созданы отделы, комиссии и управление делами. Решения по всем важнейшим вопросам, рассматривавшимся СНК, выносились простым большинством голосов. (См.: Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения : ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. М., 1994. С. 544-546).

3. Социальная структура России в 1917 г. оставалась, в основном, той же, что и в 1913 г. В 1913 г. в Российской империи проживало 159,2 млн. чел. Социальный состав населения страны был таков:

Все население (включая неработающих членов семьи) 100%.

В том числе:

Рабочие и служащие 17,0

Из них рабочие 14,6

Крестьяне-единоличники и неорганизованные кустари 66,7

Буржуазия, помещики, торговцы и кулаки 16,3. (См.: БСЭ. 3-е изд. Т. 24. Кн. II. С.

16).

№ 3. Письмо солдата Петухова В.И. Ленину¹

Уважаемому тов[арищу] Народному Комиссару Ленину.

Хотелось бы мне, сидящему на фронте и знающему окопную жизнь и настроение солдат, поделиться с Вами теми мыслями и теми чаяниями, которые питает в настоящее время солдат от правительства Народных комиссаров.

Вам известно, что в окопах почти с самого начала революции солдат не прибавилось, а убавилось, и поэтому сидят в окопах одни и те же солдаты, за исключением, разве, небольшого августовского пополнения. Эти стоящие в окопах солдаты поддерживали правительство народных комиссаров только потому, что ожидали от них получить долгожданный мир.²

Какой это будет мир - сепаратный или позорный, солдата это мало интересует. Одно только для него ясно, что он более продолжать воевать и не может и не будет. Нервы его притупились, он потерял всякие чувства, и только одно у него на уме и сердце, что скоро мир. Напрасно Вы говорите, что если правительство Германии не согласится на демократический мир, то мы с удесятенной энергией, с удесятенной силой будем бороться за общий мир.³ Не ожидайте, чтобы солдаты стали бы бороться, проливать свою кровь опять за социализм и за общее братство народов. Теперь солдат ни за какие, самые наивысшие идеи и цели не пойдет сражаться, и никакая сила его на это не может двинуть. Поэтому он ждет только мира! Будь то сепаратный, будь то даже не в нашу пользу, будь то даже позорный - солдату все равно, лишь бы только мир.

Фактически ведь фронт наш беззащитен, фактически ведь армии у нас не существует, она умерла, и никакая сила ее не воскресит. Вот почему, любя родину, любя свой народ, и не желая полнейшего рабства и уничтожения завоеваний революции, я только прошу Вас - заключайте скорее мир. Только тогда Россия не погибнет, только тогда она возродится опять в могущественную республику. Продолжение же войны, хотя на один день, есть гибель не только самостоятельности России, но и полнейшее рабство ее народа и смерть тысяч, а может быть, и миллионов ее верных сынов. Итак, мир, мир и мир!

Вот что я хотел Вам сообщить, чтобы Вы подумали о том, что такое солдат и что он вовсе не социалист, а просто чаящий мира. Прошу серьезно принять это к сведению.

Солдат Петухов.

ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 78. Д. 65. Л. 34. Подлинник, рукопись.

Примечания:

1. Письмо зарегистрировано 11 декабря 1917 г.

2. Декрет о мире, принятый II съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., был актом революционного выхода из войны. В нем провозглашались немедленное прекращение войны и необходимость начала переговоров о справедливом, демократическом мире - без аннексий и контрибуций. До окончания переговоров предлагалось объявить перемирие. 9 (22) ноября В.И. Ленин обратился по радио к солдатам и матросам с призывом выбирать уполномоченных и вступать в переговоры с неприятелем о перемирии. Это подтолкнуло процесс заключения так называемых «солдатских миров» на фронте, действовавших до заключения общего перемирия.

3. На первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. В.И. Ленин говорил: «Если же представить такой случай, когда немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесyтеренной энергией, с удесyтеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия». (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 117-118). Но уже в феврале 1918 г. Ленин пишет: «Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет власть, пошедшую на такой отказ». (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 406).

№ 4. Письмо матроса П.Сущих и солдата А.Сущих в Петросовет

В Петроградский Совет Российской республики
раб[очих] и сол[датских] и кр[естьянских] депутатов.

От солдат и матросов Заб[айкальской] Обл[асти] Читинского [у]езда
Николаевской вол[ости] села Доронинска А. и П. Сущих
срочный доклад с места.

Наш голос с далекой Сибири. Мы защитники свободы и Революции. Обращаемся к вам, товарищи, мы просим подать нам свою властную руку, ибо враги народа еще не убраны, и опасность для нас не миновала. Власть у нас в областном Комитете, как видно, состоит буржуазна и чиновническа.¹

Она допустила ослабить наши последние силы в гарнизоне и солдат увольняют почти поголовно, до востребования и по разным причинам. Этим руководит Воинский начальник и медицинский персонал. Мы, солдаты Революционной Армии демократической России, не можем быть в покое, ибо мы люди, т.е. солдаты, уволенные по домам без оружия, а поэтому кому-либо помощь на защиту свободы не будем иметь возможности подать таковую вовремя. Угроза, по нашему мнению, от казаков и также от капиталистов грозит свободе. Так как ихн[ая] организация не разрушена, и они всецело находятся под властью своих командиров и атаманов.²

А [в]виду этого, наше мнение: необходимо иметь склад оружия при каждой волости или селении по числу наличности солдат, и патронов хотя бы по сто штук, и к этому не лишне иметь три или четыре пулемета. Мы полагаем организовать военные отряды в каждом селе по выработанной программе Партии соц[иал]-демократов большевиков.³ Мы просим обсудить немедленно, и этим успокоить солдатские умы.

По обсуждении нашего доклада и вынесенной вами резолюции, просим непосредственно нас уведомить. Податели сего доклада

Матрос Павел Сущих.

С[олдат] _Афанасий Сущих. 1918-го года 2-го Января.
ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 36. Л. 122-123об. Подлинник, рукопись.

Примечания:

1. Забайкальский областной Комитет общественной безопасности был создан 5 марта 1917 г. в Чите. Ведущую роль в нем играли эсеры и меньшевки (оборонцы). КОБ, поддержанный Забайкальским областным Советом, выступил против установления Советской власти. 10 (23) - 12 (25) декабря 1917 г. 3-я Забайкальская областная конференция РСДРП (интернационалистов) приняла резолюцию о переходе власти к Советам, однако многие социал-демократы продолжали работать в КОБ. Только 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) большевики и левые эсеры вышли из Читинского КОБ, а 26 декабря (8 января) Читинский Совет принял решение о роспуске Комитета. 3 (16) января 1918 г. в Чите на объединенном заседании 2-го съезда сельского населения Забайкальской области и 1-го съезда Советов, КОБ и городских самоуправлений был создан Забайкальский Народный совет, большинство в котором получили правые эсеры, меньшевики и националисты. (См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 166-167).

2. 16 (29) апреля 1917 г. 1-й съезд Забайкальского казачьего войска в Чите вынес решение об упразднении казачьего сословия, но этому воспротивилась казачья верхушка во главе с комиссаром Временного правительства в Забайкалье есаулом Г.М. Семеновым. На 2-м съезде (вторая половина августа - начало сентября 1917 г.) им удалось провести решение о сохранении казачьего сословия. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. Г.М. Семенов на станции Березовка (в районе Верхнеудинска) поднял мятеж и попытался захватить город, но под натиском революционных войск бежал в Маньчжурию. Сформировав в полосе отчуждения КВЖД Особый Маньчжурский отряд (около 500 человек), в январе 1918 г. семеновцы вторглись в Восточное Забайкалье и захватили Даурию. (См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 167,465).

3. Речь идет о программном требовании РСДРП всеобщего вооружения народа.

**№ 5. Письмо красногвардейца С.П. Павлова в Следственную комиссию
Ревтрибунала при Петросовете**

В Следственную Комиссию при С.П.Б.¹ Одиночной тюрьме.
Начальника Красной Гвардии² Финляндск[ой]
соедин[итель ной] ветки Ник[олаевской]
жел[езной] дор[оги] Сергея Платоновича Павлова
камера № 47, 1-й корпус

Заявление

Прошу ходатайствовать в Следственную Комиссию по освобождению меня на поруки или о возможности скорейшей разборки моего дела в Революционном Трибунале. Нахожусь я в заключении с 19-го декабря с[его] г[ода] по обвинению в непреднамеренном убийстве в состоянии раздражения и запальчивости, каковое мне объявлено при окончании следствия по этому делу.

Я виновным себя абсолютно не могу признать, ввиду того, что был, что называется, доведен до «белого каления». Когда перестал сознавать, что я делаю, я совершил это /если это можно назвать преступлением/. Я, сторонник Народной власти и ее представителей, не мог выслушивать оскорблений, наносимых нашим Советам и народным вождям контр-революционером Василием Лоцманенко. И на сделанное ему замечание, что за свои слова он ответит перед лицом Революционного Трибунала, он, _Лоцманенко, обругал меня, Совет и Трибунал «матерными» словами и плюнул при этих словах мне в лицо. Не в силах подавить гнев и не сознавая, что делаю, я стал в него стрелять. После сделанной ему перевязки он умер.

Виноват ли я? Видит Бог, я, ставший на защиту нашей власти в качестве красногвардейца, не мог хладнокровно выслушивать его оскорбления и угрозы и совершил это в состоянии умоиступления. Мне 37-й год, жил я и работал честно, ни на что дурное не будучи способным, а теперь и подавно, имея семью, которая обречена без моей помощи на верный голод и уже голодает. Я бы, если бы был спокоен, никогда бы не совершил бы подобного, а здесь, доказательством тому служит мое неменяемое состояние, я даже не подумал и о самосуде, которым мне угрожали со стороны мои «сослуживцы», большинство которых по своим убеждениям принадлежит к контр-революционерам.

Обратите внимание на мое печальное положение, а также и на голодовку моей семьи и помогите мне, освободив меня на поруки жены или же ускорив разбор моего дела.

Сергей Павлов.

25/II [1]1918 года.

С[анкт]-Петербург.

ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 256. Л. 6. Подлинник, рукопись.

Примечания:

1. С.П.Б. - Санкт-Петербургская.

2. Красная гвардия - отряды вооруженных рабочих - сыграла большую роль в революционных событиях 1917 г. В октябре - ноябре 1917 г. по всей стране в ее рядах состояло около 200 тыс. человек. С победой Октябрьской революции Красная гвардия активно использовалась как орудие утверждения большевистского режима. Согласно уставам Красной гвардии, принятым Исполкомами Советов и иными органами революционной власти в разных губерниях, Красная гвардия повсеместно создавалась в целях защиты завоеваний революции, борьбы с контрреволюцией, охраны общественного порядка, укрепления советского строя, перехода ко всеобщему вооружению народа. В апреле - июне 1918 г. много отрядов Красной гвардии было создано и в сельской местности. В 1918 г. вооруженные отряды со сходными, в основном, милицейскими функциями носили различные названия: Красная гвардия, боевые и «вольные» дружины, крестьянское ополчение и др. С организацией Красной армии на протяжении 1918 г. отряды Красной гвардии вливались в нее. Расформирование красногвардейских отрядов, выполнявших армейские функции, в основном завершилось к сентябрю 1918 г. Однако часть отрядов, выполнявших главным образом охранные задачи продолжала действовать и далее.

№ 6. Письмо заключенных Бутырской тюрьмы в Политический Красный Крест¹

В Политический Красный Крест
Заключенных [в] Бутырской тюрьме
артельщиков Коммерческой артели
Василия Сергеевича Соловьева и
Александра Семеновича Фролова
коридор № 11, камера № 43

Заявление

1 сентября мы в числе 25 артельщиков были арестованы на Мясницкой в доме № 13 в помещении артели за очередное собрание артели без разрешения Советской Власти. 29 октября наши товарищи были освобождены, мы же до сих пор сидим в тюрьме. Жены наши справлялись во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, где сказали, что нас Коллегия присудила в Концентрационный лагерь заложниками.

Ссылаясь на п[ункт] 2 постановления Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов в заседании его 6 ноября с[его] г[ода],² прошу Вашего ходатайства об освобождении нас из-под стражи в тюрьме /кор[идор] № 11, камер[а] № 43/.

11 ноября 1918 г[ода]

Александр Фролов

г[ород] Москва

Василий Соловьев

ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 157. Л. 2. Подлинник, рукопись.

Примечания:

1. Политический (революционный) «Красный крест» - обобщенное название ряда организаций и групп, впервые возникших в начале 80-х гг. 19 века для помощи политическим заключенным и ссыльным. Возникновение политического «Красного креста» связано с деятельностью «Народной воли». После ее разгрома организация стала называться «Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным». Постепенно в деятельности групп политического «Красного креста» все большую роль стали играть социал-демократы. После революции 1905-1907 гг. центр деятельности организации переместился за границу. В Кракове, Англии, ряде других мест было создано несколько обществ политического «Красного креста» («Краковский союз помощи заключенным», «Комитет помощи политическим каторжанам в России» и др.). С января 1918 г. по 1922 г. Председателем Комитета политического Красного Креста был известный адвокат Н.К. Муравьев.

2. Речь идет о Постановлении VI Чрезвычайного съезда Советов об амнистии, принятом на первом заседании съезда 6 ноября 1918 г. Пункт 2 данного постановления гласил: «Освободить из заключения всех заложников, кроме тех, временное задержание которых необходимо, как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов. Необходимость дальнейшего задержания под стражей заложников такого рода, для каждого отдельного лица, может быть установлено только Всероссийской Чрезвычайной Комиссией. Никакие другие организации не имеют права брать заложников и содержать их под стражей». (См.: Известия ВЦИК Советов. 1918. 9 ноября. С. 2).

№ 7. Письмо А.Н.Теплова В.Д.Бонч-Бруевичу¹

КОПИЯ

ПЕНЗА. Пешая ул[ица] д[ом] № 12.

Дорогой товарищ, Владимир Дмитриевич.

Все, о которых я писал Вам, теперь увезены в Саратов под усиленным конвоем. Для чего и по чьему требованию состоялся этот перевоз арестованных, решительно неизвестно. В чем они обвиняются, тоже никто не знает: ни сами арестованные, ни их родственники и знакомые. Я писал Вам о гражданах Трофимове М.А., Михайловском С.А., Титове Ев.В., Баранове Ив.Ив., Кульчицком М., Баршеве В.С., _Ельницком Ан.Еп. и многих других. Я писал Вам, что, по всей вероятности, обвинения, предъявляемые арестованным, дутые, не стоящие внимания. Это во всяком случае не обвинения в шпионстве или в том, что арестованные состоят агентами Деникина, Колчака.² В таких случаях я понимаю аресты и согласен с тов[арищем] Троцким,³ который при свидании со мною в Пензе заявил мне, что агенты Деникина должны арестовываться и преследоваться. Я говорю, что подобные аресты я еще понимаю, но при одном условии, если обвинение в тяжком преступлении будет подвергнуто тщательному исследованию, когда все гарантии будут пущены в ход, чтобы не произошла ошибка в обвинении, а главное, чтобы обвиняемому были предоставлены все средства для оправдания себя.

Напоминаю Вам еще раз, что юстиция поставлена у нас отвратительно плохо, поэтому высшей власти следовало бы поставить судопроизводство на должную высоту. Но пока что, а высшей власти теперь же следует проявлять свою власть и авторитет, чтобы не происходили роковые ошибки, требовать или тщательного исследования дела, посылая для этого особых своих доверенных лиц с юридическим образованием, или требуя присылки всего дела в центр к переисследованию. Так и в данном случае советую Вам и прошу телеграфно распорядиться, чтобы смертных приговоров не было, и послать особого комиссара или лучше целую комиссию, состоящую из людей опытных, честных и с юридическим образованием. Пожалуйста, ни на одну минуту не откладывайте этого дела. Раз таковая комиссия будет послана, то ей необходимо знать, что все заарестованные лица и увезенные теперь в Саратов, по большей части общественные деятели, притом крайне необходимые для той работы, на которую они поставлены Советской Властью. Ведь без них дело стало. Возьмите, напр[имер], М.А. Трофимова: на его плечах масса обязанностей, и без него дело не может двигаться. Такое же положение и со страховым делом, которым ведает

С.А. Михайловский на всю губернию от Совета Народного Хозяйства. Или возьмите А.Еп. Ельницкого: без него прямо дело стало, а он ведь один из главных кормильцев Москвы и Северных губ[ерний]. Как в прошлом году, так и в нынешнем, он отправлял и отправляет тысячи вагонов с картофелем и овощами на десятки миллионов рублей. И вот этого честного человека, самого деятельного, полного личной инициативы человека арестовывают, не предъявляя никакого обвинения. Что его заслуги перед Советской Властью. Что его заслуги перед голодающей Москвой и Северной Россией и перед всей Россией. Дедушка Крылов вечно прав будет по отношению к тем людям, которым нужны желуди, а не дубы... Да будет стыдно тем, которые не желают и не могут защитить своих же настоящих работников, без которых Россия прямо-таки может погибнуть. Ваша прямая обязанность поднять защиту истых работников в Совете Народных Комиссаров.

Это недостаточно, что у нас существует Особая Комиссия для приема жалоб и претензий.⁴ Не это только надо - необходима твердая защита прав русского гражданина. Без этого же происходит величайшая нелепость и одна - возмутительнее другой. Поймите же, пожалуйста, все это. Да, я забыл прибавить, что Ельницкий состоит уполномоченным Московского Потребительного Общества по Пензенской губ[ернии], он же и член Губпродкома. Его тов[арищ] Шефлер - Председатель Московского Потребительного Общества. Его же знают и тов[арищи] Цюрупа и Рязанов,⁵ вся русская демократия. Он семь лет уже вне всякой политики и работал, не покладая рук, все это время на благо народа, какая бы власть не окружала его.

О Баршеве В.С. я уже писал Вам. Да Вы и лично его знаете и можете ценить его как деятеля и необходимого работника и, в особенности, в настоящее время. В прошлом своем письме я забыл прибавить несколько слов по поводу ареста Ев.Вс. Титова. Он, мой сын по революции, будучи арестован в прошлом году об эту пору почти, просидев несколько месяцев, к нему не предъявляли никакого обвинения и потом выпустили. Теперь тоже никакого обвинения не предъявили и арестовали. Вот год прошел, и я с ним виделся довольно часто и след[овательно] могу свидетельствовать, что за ним нет никакого преступления. Он был всецело посвящен своим обязанностям и как учитель гимназии и как председатель ее Совета.

Если мое первое письмо пропало, то повторяю здесь список арестованных в Пензе и увезенных в Саратов:

1. М.А. Трофимов, 2. С.А. Михайловский, 3. В.С. Баршев, 4.Ев.В. Титов, 5. А.Еп. Ельницкий, 6. М.В. Терентьев, 7. Итина-Мильман, 8. П.А. Кормилицын, 9. Ив.Ив. Баранов, 10. М. Кульчицкий, 11. Бессонов Вл.А., 12. Топорнин Н.Ф., 13. Топорнин А.Ф., 14. Топорнин, их отец, 15. Арбенен А.В. и многие др[угие]. Говорят, что число арестованных доходит до 50 человек, масса всевозможных слухов по городу ходит, говорят и о расстрелах.

Обратить надо Ваше просвещенное внимание и на то, что с арестованными обращаются непозволительно плохо: не передают им одеяла, подушки, содержат в сарае с земляным полом, пищу с воли не передают каждый день, свиданий никаких и проч[ее]. Одним словом, такой режим в царские времена был неизвестен. Еще раз прошу Вас и весь Совет Народных Комиссаров произвести самую строгую ревизию всей Чрезвычайной Комиссии по всей Республике и положить решительный конец таким порядкам.

Ведь нет возможности работать продуктивно при таких условиях. Не рубите того дерева, на котором сидите. Ведь есть же другие исходы. Один из этих исходов - быть честным, справедливым, трудолюбивым и уважать права других и особенно людей, дорогих для России. Их труд, их преданность интересам родины, их любовь неподкупная к матушке России испытана годами и трудами. Их гнать - преступление.

Ваш А. ТЕПЛОВ.

Жду от Вас ответа на мои письма.

ГА РФ. Ф. 4390. Оп. 14. Д. 60. Л. 4-5. Копия, машинопись. Подчеркивания сделаны при чтении.

Примечания:

1. На штампе управления дела стоит дата 10/XII [1919 г.]. Письма были пересланы в бюро жалоб Наркомата госконтроля, а оттуда направлены запросы в Пензенскую и Саратовскую ЧК. Из запросов видно, что А.Н. Теплов был участником революционного движения в 70-х гг. XIX в.

2. Деникин А.И. (1872-1947) - в годы первой мировой войны командовал 4-й стрелковой бригадой (с апреля 1915 г. - дивизией). В 1915 г. произведен в генерал-лейтенанты. С сентября 1916 г. командующий 8-м армейским корпусом, с февраля 1917 г. пом. начальника штаба Верховного главнокомандующего, в мае-июне главнокомандующий армиями Западного фронта, с июля - Юго-Западного фронта. Участник корниловского мятежа. Принимал участие в формировании Добровольческой армии, после гибели Корнилова 31 марта (13 апреля) 1918 г. вступил в командование последней. С 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) главком Вооруженными Силами Юга России. В январе 1920 г. приказом Колчака объявлен верховным правителем, в марте образовал Южнорусское правительство. 22 марта (4 апреля) 1920 г., сдав командование П.П.Врангелю, эмигрировал в Англию, в дальнейшем жил в Бельгии, Венгрии и Франции. В годы второй мировой войны отказался сотрудничать с фашистами. После разгрома фашистской Германии переехал в США, где умер от сердечного приступа;

Колчак А.В. (1873-1920) - адмирал, ученый-географ, участник полярной экспедиции 1900-1902 гг. В 1906-1909 и 1911-1914 гг. служил в Морском Генеральном штабе. В первую мировую войну начальник оперативного отдела Балтийского флота, командир минной дивизии, с июля 1916 г. командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. После февраля 1917 г. под давлением матросов был смещен с поста командующего и летом Временным правительством был послан в США. В конце 1917 г. вернулся на Дальний Восток, где был членом правления КВЖД. В октябре 1918 г. прибыл в Омск, 4 ноября как военный и морской министр вошел в состав Совета министров Уфимской директории, 18 ноября произвел переворот и установил в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке военную диктатуру, принял титул «верховного правителя российского государства». Расстрелян в Иркутске 7 февраля 1920 г. по постановлению большевистского ВРК.

3. Троцкий (Бронштейн) Л.Д. (1879-1940) - член РСДРП с 1898 г., после II съезда партии был меньшевиком, примиренцем, после Февральской революции примкнул к большевикам, на VI съезде был принят в партию и избран в состав ЦК. Один из руководителей Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г., председатель Петросовета с сентября 1917 г., нарком иностранных дел в первом советском правительстве. С 1918 г. - нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики. В 1920 г. одновременно был наркомом путей сообщения. Член ЦК и Политбюро. В 20-е гг. - лидер «левой оппозиции» в партии. В 1927 г. был исключен из партии, а в 1929 г. выслан из страны. В 1940 г. убит в Мексике агентом НКВД Рамоном дель Рио Меркадером.

4. 9 апреля 1919 г. ВЦИК утвердил декрет о реорганизации государственного контроля, опубликованный в «Известиях ВЦИК» 12 5апреля, а 4 мая 1919 г. в составе наркомата госконтроля было создано Центральное бюро жалоб и заявлений. (См.: СУ. 1919. № 23. Ст. 271).

5. Рязанов (Гольдендах) Д.Б. (1870-1938) - социал-демократ, меньшевик. В революционном движении с 1887 г. С 1917 г. член партии большевиков. После Октября на руководящей работе в профсоюзах. В начале 1918 г. временно выходил из партии из-за несогласия по вопросу о Брестском мире. Известный специалист по истории марксизма и международного движения. Основатель (в 1920 г.) и первый директор Института Маркса и Энгельса в Москве;

Цюрупа А.Д. (1870-1928) - член партии с 1898 г., большевик. С ноября 1917 г. зам. наркома, с февраля 1918 г. - нарком продовольствия РСФСР, один из инициаторов создания комбедов, руководил деятельностью Продармии. С конца 1921 г. зам. Председателя СНК и СТО РСФСР.

№ 8. Заявление донских казачек в Казачий отдел ВЦИК

ВЦИК. В Казачий отдел.
От казачек ст[аницы] Урюпинской
Д[онской] Об[ласти]
1919 года. Декабря 22

Заявление

Мы, шесть женщин, арестованы в ст[анице] 0 Урюпинской Дон[ской] Об[ласти] и вывезены в последних числах июня в Москву, до сего времени находились в Новоспасском Концентрационном лагере. Теперь все мы освобождены и предоставлены самим себе. Но так как у нас нет здесь ни родных, ни знакомых и, главное, нет никаких средств, то мы и обращаемся в Отдел с просьбой помочь нам: во-первых, отправить нас на родину к детям, оставшимся с чужими людьми, а во-вторых, дать хоть небольшое пособие на дорогу.

Уверенные в том, что вы откликнитесь на нашу просьбу и поможете выйти из тяжелого положения, мы приносим искреннюю благодарность своим землякам за участие.

Калмыкова

Чикова

Николаева

За неграмотных Шалину, Сметанникову и Бузулуцкову по их личной просьбе подписалась Л. Кноблех.

ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 83. Д. 16. Л. 460. Подлинник, рукопись.

№ 9. Заявление арестованных рабочих С.Н.Морозова и Г.И.Лаптева в Политический Красный Крест

[В] юридический отдел политического Красного Креста

Заявление

Мы, рабочие главных Московско-Курских Вагонных Мастерских, арестованы с 11 на 12 фев[раля] [в] Москве 9-й 0 ЦТЧК и отправлены в Бутырскую тюрьму без предъявления обвинения.¹ И мы не были допрошены и сейчас сидим безо всякого результата в т.ч.к.ц., и мы просим вас взойти в наше положение, разобрать наше дело и выяснить его, за что мы арестованы.

Мы, заключенные, Сергей Никитич Морозов.

Григорий Иванович Лаптев.

11 Коридор, 43 камера. 23 февраля 1920 года.

ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 162. Л. 3. Подлинник, рукопись. Подчеркивания сделаны при чтении красным карандашом.

Примечания:

1. ЦТЧК - Центральная транспортная чрезвычайная комиссия. Материалы дела содержат запрос Юридической комиссии Политического Красного Креста в ЦТЧК и опросной лист, из которых следует, что арестованной группе рабочих из 12 человек (в число которых входили и авторы заявления) действительно обвинение не было предъявлено. (См.: ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 162. Л. 5 и др.).